

Марущак Александр Васильевич

КОНЦЕПТ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ И ЕГО ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ (НА ПРИМЕРЕ "УСТНОЙ ИСТОРИИ")

Сформулирован концепт социальной памяти с точки зрения постнеклассического понимания данного феномена. На примере "устной истории" изучен эвристический потенциал понятия "социальная память". Необходимость изменения предмета исследования в рамках исторических исследований социальной памяти согласно современным парадигмам социальной философии вызывает необходимость обращаться к методологическому инструментарию "устной истории".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/11-1/31.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 11 (49): в 2-х ч. Ч. I. С. 129-132. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 300.3+301+930.1

Философские науки

Сформулирован концепт социальной памяти с точки зрения постнеклассического понимания данного феномена. На примере «устной истории» изучен эвристический потенциал понятия «социальная память». Необходимость изменения предмета исследования в рамках исторических исследований социальной памяти согласно современным парадигмам социальной философии вызывает необходимость обращаться к методологическому инструментарию «устной истории».

Ключевые слова и фразы: социальная память; социальная идентичность; исторические исследования социальной памяти; концепт социальной памяти; постнеклассическое понимание социальной памяти; устная история; устный источник; устная традиция.

Марущак Александр Васильевич

*Южноукраинский национальный педагогический университет им. К. Д. Ушинского
sasha.marushhak@yandex.ru*

КОНЦЕПТ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ И ЕГО ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ (НА ПРИМЕРЕ «УСТНОЙ ИСТОРИИ»)©

Проблема социальной памяти затрагивает весьма широкий круг исторических исследований. В исторической науке исследуются закономерности сохранения в памяти событий прошлого, обращение к ним в результате потребности в социальном самоопределении отдельных групп и слоев населения [2; 4; 12; 13]. В имеющейся на настоящий момент исторической литературе по социальной памяти отсутствует рассмотрение этого понятия в контексте современных методов исследования, что значительно уменьшает эвристическую ценность данных работ. Большинство авторов рассматривают актуальные проблемы отношения социальных групп к своему прошлому с точки зрения подходов, которые базируются на устаревших методологических предпосылках.

Целью статьи является попытка сформулировать понятие «социальная память» с позиций современных парадигм социального познания и изучить его эвристический потенциал для анализа исторической проблематики.

Наличие социальной памяти обнаруживается в том, что в пределах той или иной социальной общности (например, трудовой коллектив, религиозная группа, семья, нация или государство) естественным образом на уровне отдельных индивидов периодически воспроизводятся одни и те же воспоминания. Они позволяют индивиду отождествлять себя с той общностью, к которой он принадлежит, с ее историей и судьбой. Эти воспоминания касаются прошлого опыта и являются попыткой репрезентации его в соответствии с нынешними духовными потребностями сообщества [13, с. 15-16]. Социальная память не является сохраняющейся в настоящем устойчивой репрезентацией прошлого опыта. Происходит ее постоянное изменение в соответствии с изменением потребностей социальных общностей [12, с. 48]. «Будучи тем общим, что конституирует сообщество как таковое и является залогом его идентичности» [7, с. 106], эти воспоминания являются необходимым элементом для его жизни и выживания.

В определенные моменты индивид способен вести себя просто как член группы, «вызывая в памяти и поддерживая безличные воспоминания в той мере, в какой они затрагивают его группу» [10, с. 11]. Личная история человека разворачивается в рамках коллективной истории, коллективного времени и пространства.

Память может быть социальной только в том случае, если ее можно передать, а для этого она должна быть артикулирована. Носителями социальной памяти являются индивиды и «некие коллективные репрезентации прошлого (тексты, памятники, юбилеи, изображения), которыми люди более или менее постоянно совместно пользуются» [3].

Исследования феномена социальной памяти в современной исторической науке основываются на признании за социальной памятью однородности содержания в рамках определенной социальной группы или общества в целом. Социальные группы и сообщества (семья, религиозные группы, нации и т.д.), не обладая памятью сами по себе, обуславливают память собственных членов посредством коллективных репрезентаций прошлого. Это понимание социальной памяти соответствует принципу монизма классической и неклассической парадигм социального познания. Монизм стремится свести все многообразие мира к единой первооснове.

Одним из самых существенных истоков формирования проблемы социальной памяти в историческом знании стало творчество Мориса Хальбвакса. Он впервые поставил вопрос о существовании коллективных репрезентаций прошлого опыта и довольно четко противопоставил их индивидуальной памяти [10; 12, с. 191-228].

Постнеклассическое понимание данного феномена (которое опирается на работы М. Фуко, Ж. Бодрийера, Ж. Деррида, Х. Уайта, П. Бурдьё, Ф. Анкерсмита) основывается на принципе плюрализма и заключается в предположении, что определенная социальная память может носить фрагментарный и децентрализованный характер, что не позволяет говорить о ее гомогенности [1]. Если монизм утверждает идею, что память человека всегда является неповторимой комбинацией различных элементов определенной социальной памяти [13, с. 15], то, согласно плюрализму, память человека всегда является неповторимой комбинацией элементов различных типов социальной памяти.

Конфигурация социального пространства подвергается переменам, поскольку большое значение имеют иные сообщества, которые формируют свой тип социальной памяти. Наличие структур определенной социальной памяти и существование иных способов репрезентации прошлого опыта может приводить к образованию нелинейного и многополярного пространства социальной памяти. «Отдельный индивид получает доступ к различным уровням пространства социальной памяти, что может вести как к дезориентации и потере укорененности, так и к выстраиванию собственной социальной и исторической идентичности на основе свободного выбора...» [1, с. 127]. Следствием изложенных тенденций может являться то обстоятельство, что структуры определенной социальной памяти могут постоянно подвергаться деконструкции на индивидуальном уровне. Определенная социальная память может становиться «конструктом, конфигурирующим разрозненные топоры пространства социальной памяти, и обеспечивать новую идентичность того или иного создающегося сообщества» [Там же, с. 129].

Подводя итог вышеизложенным размышлениям, мы исходим из понимания социальной памяти как воспроизводимых на уровне отдельных индивидов воспоминаний, которые функционально служат для обеспечения устойчивой идентичности определенного сообщества. Они являются способом репрезентации прошлого опыта и изменяются в соответствии с изменением потребностей социальной общности. Определенная социальная память может носить фрагментарный и децентрализованный характер, что позволяет говорить о неоднородности ее содержания в рамках определенного сообщества.

Ответить на вопрос, в какой степени социальная память на самом деле проникла в сознание членов соответствующего сообщества, определила их чувства принадлежности и повлияла на их действия, к сожалению, в большинстве случаев весьма затруднительно. Историческая наука не ставила до этого перед собой таких задач. Поскольку исследование сознания людей в исторической перспективе практически нельзя реализовать, исследовались дискурсы воспоминаний и концепты коллективной идентичности в той мере, в какой они отразились в них. Новое понимание социальной памяти как имеющей неоднородное содержание, позволяет актуализировать проблему индивидуального измерения этого явления: насколько данная социальная память была жива в сознании отдельных членов данной группы и была способна мотивировать их мышление и действия, определяла их чувство принадлежности к этой группе. И самое главное – как она сочеталась с воспоминаниями, которые относятся к иному типу социальной памяти и к которым отдельные члены данной группы также имеют доступ.

Формулирование концепта социальной памяти, который синтезировал как разработки предыдущих подходов, так и опыт, полученный в результате современных подходов к социальной реальности, влечет за собой и поиск нового методологического инструментария в рамках исторической науки, призванного отобразить данные тенденции.

В контексте решения поставленной задачи кажутся плодотворными разработки устной истории в этом вопросе. Они позволили бы радикально обновить методологическую базу и предложить принципы исследования, которые могли бы успешно реализовываться в социально-философских и прикладных исследованиях социальной памяти.

Сам термин «устная история» неоднократно подвергался критике по целому ряду показателей, но за очевидной нестройностью кроется искомая суть: семантика слова «устная» включает наличие неинституированной памяти, существующей устно исторической информации.

С развитием исторической науки из терминологически расплывчатой «устной истории» локализуется как: 1) исторический материал, транслируемые устно знание и наследие; то есть объект изучения [8]; 2) направленный на него метод исторического исследования (интервью как инициативное документирование элементов устной культуры; процесс фиксации знания, которое передается в обществе «из уст в уста») [9]; 3) результат этого метода – созданный исторический источник, источник устного происхождения [5; 8]; 4) направление в исторической науке, которое занимается изучением записанной исторической информации, существующей устно [9].

Созданный устный источник, с позиции историков-документалистов, не всегда может быть адекватным источником исторической информации, потому его чаще всего не воспринимают серьезно. Во-первых, от источника требуют точности формы, потому как важно видеть устойчивую природу свидетельства. Во-вторых, источник должен давать точные детали, позволяющие его датировать. В-третьих, должны быть дополнительные источники, позволяющие понять изучаемый источник и доказать его правдивость. Поэтому, к неподкрепленным другими доказательствами устным свидетельствам так мало доверия: как правило, это нефиксированная форма, неполная или полностью отсутствующая хронология, бездоказательность сообщения. Но если расценивать устное свидетельство не только как источник исторической информации, а изучать его в контексте проблематики социальной памяти, оно может оказаться важным объектом исторических исследований.

В исторической литературе определяются два типа исторической информации, один из них существует устно – устная традиция и свидетельства, связанные с личным опытом информатора. Жан Вансина в книге «Об устной традиции» [14] определил устную традицию как «устное свидетельство, которое передается вербально от одного поколения последующему и дальше» [Цит. по: 6, с. 152]. Другой тип устных свидетельств – это воспоминания о личном опыте информатора.

Устная традиция отличается от живых воспоминаний тем, что, во-первых, передается последующим поколениям; во-вторых, вероятно, создается с определенной целью – познавательной, или такой, что находится в неразрывной связи с воссозданием социальной структуры и т.п. Внутри устной традиции выделяют четыре ее формы (вида): поэзия (а также песни и списки), догматы (названия, поговорки и т.п.), героический эпос, нарратив. Среди них называются традиции заученные (поэзия и догматы) и незаученные (эпос и нарратив), с фиксированной формой (поэзия и эпос) и нефиксированной (догматы и нарратив) [6].

Поэзия и догматы – это застывшие материалы, текстуальный анализ которых дает возможность идентифицировать правила формы и языка. Например, африканские стихи прославления: слова, форма и интонация – четко регламентированы. Вот пример, который свидетельствует, как форма высказывания при использовании пословицы остается неизменной в калейдоскопе структур, адаптированных к определенной цели. «Современная» версия пословицы племени булози, прославляющая Короля, звучит так: «Гиппопотам [Король] проникает в самые глубокие воды реки; белые пески мели выдают его» [Цит. по: Там же, с. 154]. Та же пословица в другом контексте превратилась в антифонное пение культа исцеления: «Вода из реки – это молитва! Гипо – сын водоворота. Он выныривает внутри потока! Пески выдают его». Сопоставление этих образцов пословицы с образцами ее, собранными французскими миссионерами в конце XIX в., показывает шаблонность этого материала и его сохранение в практически неизменной форме. Такое постоянное воссоздание устного источника (пословица) в простонародной культуре может свидетельствовать о том, что оно выполняет какую-то важную и нужную культурную функцию. Можно предположить, что это знание гарантирует идентичность данного сообщества. «Коллективные идентичности – это «дискурсивные формации», они связаны с участниками коллективного знания и общей памяти. Гарантирующее идентичность знание какого-либо сообщества распределяется между текстом с нормативной и формирующей функциями. К первой группе относятся, например, поговорки и «жизненная мудрость», ко второй – мифы, героический эпос и генеалогии» [13, с. 19].

«Эпос» – героическая поэзия, которая составлена устно по определенным правилам (может быть записана позже). Изучение его структуры помогает отобразить процесс изменения текста эпоса в процессе передачи. Как правило, это произведение, которое состоит из разных кусочков, из старых и новых высказываний, с помощью которых новый автор строит новое произведение. Главный тезис Вансина, который касается эпоса и нарратива как форм устной традиции, – это то, что они являются гомеостатическими: то, что является неудобным или уже не имеет функционального значения, забывается [Цит. по: 6].

Можно выделить два вида нарратива – незаученные и нефиксированные формы устной традиции, связанные со свидетельствами о событиях незапамятного прошлого, и формы, связанные с историческим опытом в рамках индивидуальных биографий с временным горизонтом в несколько поколений. Нарративная категория устной традиции, которая связана с событиями «абсолютного прошлого», часто предусматривает три вида передачи: традиции происхождения, династические легенды и известия о социальной структуре [Там же, с. 157].

Устная традиция, связанная с историческим опытом в рамках индивидуальных биографий, возникает путем повседневной интеракции, транслируется в рамках нескольких поколений современниками определенной группы, которая помнит этот опыт. Этот вид устной традиции пока что слабо изучен. Однако можно утверждать, опираясь на определенные исследования, что эти свидетельства передаются от поколения к поколению в чрезвычайно ограниченном виде. Это нам показывает, в частности, один пример, который связан с изучением записанных воспоминаний о событиях прошлого его очевидца и того, как они (воспоминания) были восприняты последующими поколениями в его семье.

Одна очень пожилая немка, фрау Элли Круг, в ходе интервью рассказала, что после окончания Второй мировой войны британские оккупационные власти обязали ее предоставлять бывшим узникам одного концлагеря постой. Она была очень недовольна: «Ну а потом хуже всех евреи были. Эти прямо издевались над нами. Сядут, знаете, и давай, обслуживай их. У нас такой сеновал большой был, там они спали ночью. А потом-то я по-другому делать стала. Все смотрела, чтоб мне ни евреи, ни русские не доставались. Очень уж мерзкие были. И вот я всякий раз вставала на улице за воротами, они мне говорят: –На постой!» А я: –«Не, – говорю, – все уж полно!» И вот, если евреи приходили, я говорила: –У меня тут русских – битком, хотите – и вы заходите!» Они: –«Нет-нет-нет!» А русские приходили – так я говорила, что у меня там евреи» [2, с. 30]. На первом плане в рассказе фрау Круг стоят неудобства, которые причиняли ей постояльцы, и ее хитрый способ не пускать на двор «евреев» и «русских».

Сын фрау Круг рассказывает другую, услышанную им когда-то от жены историю о том, что во время войны владелица одного имения прятала у себя людей, бежавших из лагеря. Спасительницу беглых узников он называет «бабушкой»: «Один год она [жена] была в Бельзене, в усадьбе. Туда они [узники] прямо и прибегали. Несколько бабушка спрятали, они в деревянной лохани сидели. Потом пришли их искать, всюду нос совали: –Тут точно кто-то спрятался». Бабушку бы сразу расстреляли тогда. А она кастрюлю горячую сверху поставила, с вареной картошкой, на тот ящик, так что они до него не добрались» [Там же, с. 32].

Внучка фрау Круг Сильвия рассказывает свою версию того, что делала ее собственная бабушка: «А еще она как-то раз тоже историю рассказывала, мне очень как-то интересно показалось, что наша деревня-то по дороге была, которая на Берген-Бельзен шла, и что она как-то раз кого-то прятала, кто из-под конвоя сбежал, и его очень интересным способом прямо прятала, в каком-то рундуке для зерна, с соломинкой, так что он так выглядывал. И приходили потом люди, и искали его у нее на дворе, а она так и не выдала, и это, мне кажется, такой подвиг маленький, это я только в заслугу ей могу поставить» [Там же].

Таким образом, повествовательная матрица одного свидетельства, в которую вписаны действующие лица и предметы, под влиянием другого свидетельства об этих событиях в последующих поколениях начинает быть ориентирована на другое послание, а «структурным признакам рассказа – в данном случае уловке – принадлежит роль чего-то вроде транспортной материи, способной переносить самую различную информацию» [Там же, с. 33]. Но можно также предположить, что посредством структурирования, несмотря на то, что разные поколения, говоря об одном и том же историческом опыте, могут связывать с ним очень разные соображения, отдельные элементы индивидуального опыта передаются из поколения в поколение. Как нам представляется, они служат, кроме всего прочего, для обозначения представлений отдельных людей о собственном сходстве или сродстве по отношению к другим, то есть подчинены идентичностной формирующей функции.

Исходя из вышеизложенного и опираясь на сформулированное нами определение концепта социальной памяти, мы предлагаем рассматривать и исследовать устную традицию как вид социальной памяти. Мы понимаем под социальной памятью воспроизводимые на уровне отдельных индивидов воспоминания, которые функционально служат для обеспечения стойкой идентичности определенного сообщества и под воздействием других способов репрезентации опыта могут подвергаться деконструкции. Практические разработки устных историков позволяют в контексте изучения устной традиции как вида социальной памяти раскрыть эвристический потенциал сформулированного нами концепта социальной памяти. Тем самым в исторические исследования социальной памяти привносится практика изучения социальной памяти согласно постнеклассическому пониманию данного феномена.

Устная традиция является устными свидетельствами, которые передаются вербально от одного поколения последующему и дальше. В случае устной традиции не всегда может идти речь о ее прямом воспроизведении в последующих поколениях. Исследования устной традиции, основанной на историческом опыте в рамках индивидуальных биографий, показали, что если говорить именно об этой форме устной традиции, то она может передаваться в очень обедненном виде. Мы обратили внимание на необходимость изменения предмета исследования в рамках исторических исследований социальной памяти согласно современным парадигмам социальной философии, когда актуальным становится индивидуальное измерение социальной памяти. О тесной связи практики исследований устной традиции с этим теоретическим положением свидетельствует история некоторых научных исследований. Отдельных исследований требует вопрос, в какой степени устная традиция в действительности определяет чувство принадлежности отдельных членов к соответствующему сообществу и влияет на их действия. Устная история имеет все методологические возможности для исследования этого аспекта. Устная традиция, основанная на историческом опыте в рамках индивидуальных биографий, показывает пример того, что передаваемые через поколения свидетельства на индивидуальном уровне могут подвергаться деконструкции под воздействием другой традиции. Тем самым формируется совсем новое свидетельство. Но это не означает, что идентичностная составляющая социальной памяти при этом рушится, ей просто сообщаются новые смыслы. Это доказывает тезис о том, что коллективная идентичность «не существует –еама по себе», но лишь в той степени, в какой определенные индивиды признают свое в ней участие» [13, с. 19]. Результаты изучения устной традиции, основанной на историческом опыте в рамках индивидуальных биографий, могут рассматриваться как пример для дальнейших исследований этой и других форм устной традиции. Это касается, в частности, аспекта изучения способов деконструкции имеющихся структур той или иной устной традиции под воздействием других устных традиций или же способов репрезентации опыта на индивидуальном и коллективном уровнях, что является важным моментом в исследованиях социальной памяти.

Список литературы

1. Аникин Д. А. Пространство социальной памяти: дисс. ... к. филос. н. Саратов, 2008. 151 с.
2. Вельцер Х. История, память и современность прошлого // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3. С. 28-35.
3. Кузь В. В. Коллективная память как проблема социогуманитарного знания [Электронный ресурс]. URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-189028.html> (дата обращения: 16.07.2014).
4. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. С. 17-50.
5. Портелли А. Особенности устной истории // Хрестоматия по устной истории. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2003. 396 с.
6. Принс Г. Усна історія // Нові підходи до історіописання. К.: Ніка-Центр, 2010. С. 145-186.
7. Романовская Е. В. Феномен памяти: между историей и традицией // Философия и общество. 2010. № 1 (57). С. 98-109.
8. Урсу Д. П. Методологические проблемы устной истории // Источниковедение отечественной истории. М.: Наука, 1989. С. 3-32.
9. Филюшкин А. И. Методические указания по проведению исследований по устной истории [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nashpolytech.ru/index.php?id=73> (дата обращения: 17.07.2014).
10. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3. С. 8-27.
11. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.
12. Хаттон П. Х. История как искусство памяти. СПб.: Владимир Даль, 2003. 424 с.
13. Шенк Ф. Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263-2000 гг.). М.: Новое литературное обозрение, 2007. 592 с.
14. Vansina J. De la tradition orale: essai de méthode historique. Tervuren: Musée Royale de l'Afrique Centrale, 1961. 179 p.

CONCEPT OF SOCIAL MEMORY AND ITS HEURISTIC POTENTIAL (BY THE EXAMPLE OF “ORAL HISTORY”)

Marushchak Aleksandr Vasil'evich

*South Ukrainian National Pedagogical University named after K. D. Ushynsky
sasha.marushhak@yandex.ru*

In the article the concept of social memory is formulated from the perspective of the post-non-classical understanding of this phenomenon. By the example of “oral history” the heuristic potential of the concept “social memory” is studied. The necessity to change the subject of research within the framework of the historical studies of social memory according to the modern paradigms of social philosophy provokes the need to use the methodological tools of “oral history”.

Key words and phrases: social memory; social identity; historical research of social memory; concept of social memory; post-non-classical understanding of social memory; oral history; oral source; oral tradition.